

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 17–21
Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: History. International Relations, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 17–21

Научная статья
УДК 93/94.908
<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-1-17-21>

Министр народного просвещения А. С. Норов в воспоминаниях и письмах русских профессоров середины XIX века

С. В. Лёвин

Московский государственный областной университет, 141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24

Лёвин Сергей Владимирович, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории культуры и социального развития Московской области, serg.lewin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5689-1349>

Аннотация. Одной из заметных личностей правления императора Николая I был Авраам Сергеевич Норов, занимавший с 1853 по 1858 г. пост министра народного просвещения. В отечественной исторической литературе укоренилось мнение, согласно которому он являл собой образец интеллектуала-консерватора, человека слабовольного, поддававшего под влияние других лиц. В статье предпринята попытка выяснить отношение к А. С. Норову и рассмотреть отзывы о нём профессоров российских университетов, которым приходилось с ним общаться. На основе анализа их воспоминаний и писем автор приходит к выводу, согласно которому А. С. Норов вызывал уважение у всего профессорско-преподавательского сообщества, пользовался заслуженным авторитетом и доверием.

Ключевые слова: воспоминания, министр народного просвещения, наука, профессор, университет, цензура

Для цитирования: Лёвин С. В. Министр народного просвещения А. С. Норов в воспоминаниях и письмах русских профессоров середины XIX века // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 17–21. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-1-17-21>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article
<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-1-17-21>

The minister for people's education A. S. Norov in the memoirs and letters of Russian professors of the mid-19th century

Sergei V. Lyovin, serg.lewin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5689-1349>

Moscow region State University, 24 Vera Voloshina St., Mytishchi 141014, Russia

Abstract. One of the notable personalities during the reign of the Emperor Nicholas I was Abraham Sergeyevich Norov who occupied the post of the Minister of People's Education from 1853 to 1858. In domestic historical literature the opinion has been rooted that he was a model of a conservative intellectual, a weak-willed person who fell under the influence of other people. The paper attempts to find out how A. S. Norov was treated by professors at Russian universities who often communicated with him and what they thought about him. On the basis of an analysis of their memoirs and letters the author comes to the conclusion that A. S. Norov evoked respect from the entire teaching staff community, enjoyed well-deserved authority and trust.

Keywords: memoirs, minister of people's education, science, professor, university, censorship

For citation: Lyovin S. V. The minister for people's education A. S. Norov in the memoirs and letters of Russian professors of the mid-19th century. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: History. International Relations*, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 17–21 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-1-17-21>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

О жизненном пути и деятельности участника Бородинского сражения, страстного библиофила, путешественника, исследователя Востока, полиглота, широко образованного интеллигента А. С. Норова написано достаточно много разного рода и формата работ. Упоминание даже незначительного их количества потребует специального исследования. Однако среди изученных аспектов вне поля зрения исследователей остается такой,

на наш взгляд, интересный сюжет, как оценка личных качеств и деятельности А. С. Норова на посту министра народного просвещения отечественной профессурой Санкт-Петербурга и Москвы.

Авраам Сергеевич Норов родился в 1795 г. в с. Ключи Балашовского уезда Саратовской губернии в знатной дворянской семье. Получив хорошее домашнее образование, он в 1807 г. был

определен в Благородный пансион при Московском университете, но не закончил его, так как по настоянию отца поступил на военную службу в лейб-гвардии артиллерийскую роту. В чине поручика, командуя полубатареей, участвовал в войне 1812 г. и в Бородинском сражении получил ранение левой ноги, в результате которого ее до колена пришлось ампутировать. Выйдя в отставку, А. С. Норов много занимался самообразованием; изучал иностранные языки, пробовал свои силы на литературном поприще, собрал две библиотеки, считавшиеся одними из лучших в дореформенной России, много путешествовал по Востоку и Северной Африке, занимался научными изысканиями в области исторической географии, древней истории, библейской археологии. Продвигаясь по карьерной лестнице на гражданской службе, в феврале 1850 г. он становится товарищем министра народного просвещения П. А. Ширинского-Шихматова. На кандидатуре А. С. Норова настоял сам министр. «Никого более способного занять место товарища моего не знаю, кроме сенатора Норова, служащего также членом Комиссии прошений»¹, – писал он императору Николаю I 30 января 1850 г. После смерти П. А. Ширинского-Шихматова А. С. Норов становится министром и оказывается в центре общественной, научной и культурной жизни страны, причем в весьма сложный, противоречивый период развития Российского государства. Характеристика его личных качеств, воззрений на вопросы российского образования и науки, деятельности во главе Министерства народного просвещения содержится в воспоминаниях А. В. Никитенко, С. М. Соловьева, Н. Г. и Ф. Н. Устряловых, письмах Т. Н. Грановского, Н. В. Калачова и др.

Самые обстоятельные сведения о Норове-министре имеются в воспоминаниях историка литературы, профессора Санкт-Петербургского университета, ординарного академика Академии наук по отделению русского языка и словесности А. В. Никитенко, являвшегося на протяжении нескольких лет его бессменным помощником. Прежде всего, бросается в глаза то, как много места в своих воспоминаниях автор уделил психологическому портрету А. С. Норова, его характеру. С первых же страниц сквозит очарование А. В. Никитенко новым министром. «Надо отдать справедливость Аврааму Сергеевичу: он вообще действует благородно и смело. Первое, впрочем, ему присуще, но долго ли его хватит на второе – не знаю. <...>. С министром, так благородно настроенным, – хорошо и работать»², – записал он в своем дневнике 13 декабря 1854 г.

С. М. Соловьев, познакомившийся с А. С. Норовым, вероятно всего, во время своей поездки в Петербург для работы в Публичной библиотеке в 1853 г. отметил, что от нового министра «пахнуло сейчас же сильною оттепелью», констатировал: «Норов порастил меня своею противоположностью покойному министру [П. А. Ширинскому-Шихматову. – С. Л.]. Прекрасное, симпатичное лицо с грустным оттенком, добродушная приветливость,

отсутствие всего казарменного и департаментского – вот те черты, которые приятно поражают в Норове»³. Такое же восхищение А. С. Норовым встречаем в письме Т. Н. Грановского одному из своих знакомых: «Министр народного просвещения произвел на всех прекрасное, отрадное впечатление»⁴. Отметил ученый и хорошее отношение А. С. Норова лично к нему. «Министр ко мне очень благоволит»⁵, – писал он. Т. Н. Грановский познакомился с А. С. Норовым в 1855 г. на праздновании 100-летнего юбилея Московского университета. Министр пригласил историка в Петербург, чтобы обсудить с ним вопрос о разработке учебника по всеобщей истории. Т. Н. Грановский 2 октября 1855 г. не без гордости сообщил К. Д. Кавелину из Москвы: «Он (А. С. Норов. – С. Л.) ко мне показывает большое расположение и остался доволен присланной мною ему запиской»⁶.

Вряд ли А. С. Норов разделял историософские воззрения историка, но, безусловно, увидел в нем талантливого и способного ученого и поддержал его. Летом 1855 г. министр утвердил избрание Т. Н. Грановского деканом историко-филологического факультета Московского университета. Ранее попытка его избрания была заблокирована попечителем Московского учебного округа В. И. Назимовым. Благожелательное отношение А. С. Норова к Т. Н. Грановскому было искренним. В своем письме Александру II «о нигилизме» он так отозвался о нем: «Это был один из достойнейших профессоров Московского университета, человек благочестивый и совершенно монархический»⁷. Последняя характеристика добавлена А. С. Норовым, вероятнее всего, сознательно, с целью скрыть прозападнические взгляды Т. Н. Грановского.

Стоит отметить, что не только российская профессура, но и лица, далекие от системы образования, например адмирал Е. В. Путятин, положительно восприняла назначение А. С. Норова министром народного просвещения. 1 августа 1854 г. с борта своего фрегата «Паллада», находившегося в Амурском лимане, Е. В. Путятин отправил с И. А. Гончаровым А. С. Норову письмо, в котором выразил «искреннюю радость» в связи с его назначением на пост министра народного просвещения⁸.

С. М. Соловьев высоко оценивал культурно-образовательный уровень и деловые качества А. С. Норова: «Человек, потерявший ногу при Бородине, являлся беспристрастным и правдивым оценщиком благонамеренности русских учёных, более беспристрастным и правдивым, чем блестящий учёный и потому подозрительный Уваров и трепещущий подьячий Ширинский. Норову удалось выхлопотать позволение представлять императору лучшие произведения русских учёных и литераторов; моя “История России” была представлена, вследствие чего я удостоился получить монаршее благоволение осенью 1854 года»⁹. На упомянутом университетском юбилее, по словам С. М. Соловьева, «Норов сделал так, что получили награды только выдающиеся по своим способностям и учёно-литературным заслугам профессора:

Грановский и я получили орден Анны II-й степени...»¹⁰. Несомненно, А. С. Норов был хорошо знаком с научными трудами Т. Н. Грановского и С. М. Соловьева и, очевидно, положительно о них отзывался. Во всяком случае упоминание об учебнике по всеобщей истории в письме Т. Н. Грановского можно рассматривать как подтверждение этого вывода. Возможно, он неоднократно встречался с обоими историками, но отражение в их воспоминаниях и письмах нашли лишь первые встречи с ним.

Несколько иные, можно сказать сугубо служебные, обстоятельства встречи с А. С. Норовым профессора русской истории, декана историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета Н. Г. Устрялова описал в своих воспоминаниях его сын – Федор Николаевич Устрялов. Известно, что Н. Г. Устрялов способствовал защите магистерской диссертации Н. Г. Чернышевского «Эстетическое отношение искусства к действительности». Министр народного просвещения оказался в весьма затруднительном положении в результате давления на него ретроградов, стремившихся не допустить работу к защите. И помощь, оказанная диссертанту Н. Г. Устряловым, Норов воспринял едва ли не панически, отметив, что диссертация Н. Г. Чернышевского являет собой «отрицание искусства и изящного». Встретившись по дороге из Павловска в Петербург с историком, он достаточно эмоционально высказал ему, свое недовольство по этому поводу, потребовав отменить защиту. Вот как, очевидно со слов отца, описал эту встречу Ф. Н. Устрялов: «Едва ли не накануне диспута, Абрам (так Норова называли многие его современники. – С. Л.) Сергеевич Норов, проездом из Павловска в Петербург встретился в вагоне с моим отцом.

– Николай Герасимович! Что вы наделали! – воскликнул министр, увидев моего отца. – Как могли вы пропустить диссертацию Ч[ернышев]ского? Вчера, ложась спать, я просмотрел её. Ведь это вещь невозможная! Ведь это полнейшее отрицание искусства и изящного! Помилуйте! Сикстинская мадонна и Форнарина – итальянка-натурщица. К чему же сводится искусство? Это невозможно, невозможно!

Отец заметил, что диссертация одобрена советом, что экзамен выдержан магистрантом, диссертация напечатана, и день диспута назначен.

– Отменить! Остановить всё это! Я не могу согласиться! – решил Норов. – Как хотите, но такая диссертация невозможна и всё это дело следует окончить»¹¹.

Ф. Н. Устрялов предположил, что «очень может быть, что кто-нибудь из “приверженцев” как его, так и существовавшего в то время порядка, нарочно обратил его внимание на диссертацию Ч[ернышев]ского»¹².

Впрочем, эпизод с диссертацией Н. Г. Чернышевского отнюдь не мешал Н. Г. Устрялову бывать «почти каждую неделю у А. С. Норова на вечерах в министерском доме у Чернышева моста, где палаты были огромными, и публики собиралось много»¹³.

«Тогдашний министр народного просвещения, А. С. Норов, относился к моему отцу с большим уважением»¹⁴, – вспоминал Ф. Н. Устрялов. Представляется логичным эти «вечера в министерском доме» считать своеобразным продолжением работы Археографической комиссии, председателем которой А. С. Норов являлся с 1850 г. и до конца своей жизни. Под его руководством деятельность Комиссии активизировалась, стала более результативной. К работе в ней ему удалось привлечь таких видных историков, архивистов, филологов, публицистов, как: К. Н. Бестужев-Рюмин, П. С. Билярский, И. М. Бодянский, Ф. И. Буслаев, А. Ф. Бычков, И. О. Гирт, Н. И. Костомаров, М. О. Коялович, А. Н. Пыпин, П. И. Савваитов, С. М. Соловьёв, П. М. Строев.

Нередко сотрудники Археографической комиссии, выполняя поручения А. С. Норова, с целью сбора исторического материала, выезжали в командировки в губернии и работали в местных архивах. Например, Н. В. Калачов, несмотря на то, что находился в отпуске, летом 1858 г. плодотворно работал в Саратовском губернском архиве и сообщал А. С. Норову о находке «в одном фамильном архиве коллекции актов, из коих некоторые будут помещены в изданиях комиссии»¹⁵. По просьбе А. С. Норова Н. В. Калачов работал также в архивах Владимирской, Самарской, Тамбовской, Рязанской и Пензенской губерний. Столь тесное общение министра с профессорско-преподавательским корпусом говорит о том, что он был, образно говоря, своим в этой среде. Ему доверяли, его уважали, с его мнением считались. Думается, эпизод с работой Н. В. Калачова во время его отпуска в Саратовском губернском архиве по просьбе А. С. Норова, можно рассматривать как подтверждение этого тезиса.

Собственно самого А. С. Норова в 1841 г. единогласно избрали почетным членом Российской академии наук по отделению русского языка и словесности, а через 10 лет – действительным членом и ординарным академиком. «Предаваясь науке и литературе ещё в молодости, А. С. Норов с самого начала вступления своего на литературное поприще обратил на себя общее внимание всех, дорожащих успехами отечественной словесности, своим строго художественным направлением, тем более, что оно было в нём соединено с требованиями современной науки и с основательным знанием языков классической древности и богатств литературы новоевропейской»¹⁶, – говорится в отзыве-рекомендации, подписанной всеми академиками отделения.

В сообществе ученых А. С. Норов небезосновательно считался специалистом по древнему Востоку. К нему обращались за рецензиями, консультациями, разъяснениями, советом по тому или иному вопросу, связанному с историей древнего Востока. Например, секретарь Московского археологического общества, историк, археолог и искусствовед, заслуженный профессор Московского университета К. К. Герц обратился к А. С. Норову с просьбой дать рецензию на его статью «Новейшие исследования Палести-

ны». «Мне будет очень лестно, если этот труд, в котором я намеревался ознакомить нашу публику с результатами новейших разысканий и указать на важные вопросы, связанные с археологическим прошлым этой страны, удостоится снисходительного обсуждения такого знатока Палестины, как Ваше высокопревосходительство»¹⁷, – писал он. Следует заметить, далеко не к каждому ученому А. С. Норов проявлял своё расположение и благосклонность. Так, после публикации статьи Н. И. Костомарова о Куликовской битве, в которой историк поставил под сомнение активное участие в ней московского князя Дмитрия Ивановича, он демонстративно перестал здороваться с Н. И. Костомаровым на заседаниях Археографической комиссии.

А. С. Норов, возглавляя Министерство народного просвещения, в своей кадровой политике в определяющей степени руководствовался критериями профессионализма того или иного кандидата. В частности, он помог К. Д. Ушинскому стать классным инспектором Смольного института, несмотря на противодействие некоторых чиновников, выступавших против К. Д. Ушинского, вовлек в сферу образования известного хирурга Н. И. Пирогова, предложив ему место попечителя Одесского учебного округа. А. С. Норов проявлял заботу и об «отставных» профессорах. В частности, он оставил в качестве «причисленного» к Министерству народного просвещения, вышедшего в отставку с должности помощника попечителя Казанского учебного округа выдающегося математика Н. И. Лобачевского, сумев добиться для него выплаты единовременного пособия на весьма внушительную по тем временам сумму – 1500 руб.

Все, общавшиеся с А. С. Норовым, отмечали его открытость, доброту, начитанность, любознательность, высокий уровень культуры, умение расположить к себе собеседника. Вместе с тем современники отмечали и его слабых характерность, непостоянство в принятии решений, легкость, с которой он оказывался под влиянием то одного, то другого лица. «Абрам Сергеевич, – отмечал Ф. Н. Устрялов, – был очень добрый, знающий и даже, в некоторых случаях, передовой человек. Но он отличался крайнею слабостью характера»¹⁸. «Но с первых же слов поразило меня в Норове и неумение избежать крайностей, характеризующее всех наших господ, наверху стоящих, и в Норове по мягкости его натуры видное более чем в ком-либо»¹⁹, – вспоминал С. М. Соловьёв. «Опять тревоги по милости жалкой бесхарактерности министра. Нет возможности идти с ним путем ровным, прямым и открытым, а между тем он сам хороший человек. Но вот что значит не иметь ума твердого и воли, способной решать самой, без чужих подпорок»²⁰, – с плохо скрываемой досадой записал А. В. Никитенко в своем дневнике 10 марта 1855 г. «Мягкость натуры» А. С. Норова была подмечена даже сотрудниками III отделения. «В лице нынешнего министра, действительного тайного советника Норова, соединяются многие отличные свойства: религиозно-нравственный образ

мыслей, истинная любовь к просвещению, стремление к выполнению своих обязанностей; но в нём замечают также вредную слабость, происходящую от чрезмерного благодушия. Он подчиняет себя влиянию окружающих и притом, желая снискать в кругу учёных имя поборника просвещения, нередко вполне предается их внушениям»²¹, – говорится в отчете отделения за 1856 г.

Создается впечатление, что профессорский корпус относился к А. С. Норову с симпатией, сочувственно, понимая трудность его положения, видя его стремление добиться смягчения цензурной политики, создать профессорскому составу высших учебных заведений наиболее комфортные условия для преподавательской и научной деятельности.

В марте 1858 г. император Александр II отправил А. С. Норова в отставку. Вот как отразил это событие в своем дневнике А. В. Никитенко: «Сейчас получил известие от Петра Петровича Татаринова, что Норов подал в отставку и получил её. <...>. Говорят, государь, решая отставку Норова, сказал: “Это почтенный человек по своему сердцу, по благонамеренности; я душевно люблю его и уважаю. Но он не способен быть министром, и я дольше оставить его на этом месте не могу”»²². Официальной причиной отставки было названо ухудшение здоровья «бородинского ветерана», как называли А. С. Норова в его ближайшем окружении. Но многие современники полагали, что главной причиной отставки министра стали его слабых характерность, мнительность, неумение отстаивать свою точку зрения. Автор данной статьи придерживается мнения, высказанного им в своей монографии, посвященной жизненному пути, научным и общественным взглядам А. С. Норова: главной причиной отставки следует признать несовпадение его взглядов на будущее российского образования и воззрений на этот предмет Александра II²³.

Являясь человеком академической среды, сознавая значимость культурной преемственности, необходимость творческой самореализации личности, «воспитания в вере» без попыток столкновения веры и науки, А. С. Норов мыслил высшее образование как соединение науки, высоких нравственных идеалов ее представителей, патриотизма и религиозной духовности учащихся. Он отдавал приоритет классическому образованию, в то время как страна нуждалась в специалистах узкого профиля, выражаясь современным языком, технократах. Очевидно, проводить преобразования с министром, чьи установки значительно разнились со взглядами Александра II и требованиями времени, было невозможно. Программным лозунгом А. С. Норова-министра было «ничего не преобразовывать, а только улучшать». Он нашел свое отражение в его записке о совершенствовании системы народного образования. «Наконец, – говорится в ней, – вообще осмелюсь изъяснить, что если какие меры существенно нужны по

Министерству народного просвещения, то это, как и во всяком другом ведомстве, суть меры постепенного улучшения, а не меры преобразования»²⁴. Таким образом, можно утверждать, что А. С. Норов сознательно избрал конформистскую линию поведения, что в правление Николая I представлялось оправданным с позиций модернизации системы народного образования, но непонятным для многих его современников, видевших в этом слабование, непостоянство взглядов министра. В их представлении такое непостоянство и отсутствие твёрдости было непозволительно крупному государственному чиновнику.

А. С. Норов находился во главе Министерства народного просвещения в сложный период. Феодално-крепостническая экономика не справлялась с требованиями времени, становилась главным препятствием на пути поступательного социально-экономического и общественно-политического развития России. Правление Николая I – последний этап кризиса феодално-крепостнической системы. Ее финальным и трагическим завершением явилось поражение России в Крымской (Восточной) войне 1853–1856 гг. Потребность в квалифицированных кадрах стала в период правления императора Николая I настоятельной, можно сказать, жизненной необходимостью. От человека, занимавшего пост министра народного просвещения, требовались незаурядные личные качества, в частности: упорство и сила воли, понимание задач, стоявших перед народным образованием, ясное представление путей и средств их решения. В связи с этим уместно подчеркнуть, что характер А. С. Норова явно не соответствовал тем требованиям, которыми должен обладать чиновник высокого государственного ранга – министр народного просвещения, особенно в такой сложный исторический период.

А. С. Норов воплощал собой образ культурного, высокообразованного, эрудированного чиновника. В его взглядах на развитие системы народного просвещения присутствуют либерализм времени Александра I, здоровый консерватизм и патриотизм николаевской эпохи, понимание необходимости демократизации общественной жизни периода правления Александра II. Все это в совокупности составило некий синтез, своего рода рациональное зерно в образовательной политике министра. А. С. Норов стоял на консервативно-охранительных позициях, но в своей деятельности руководствовался здравым смыслом, отстаивая эволюционные изменения, поступательное, а не скачкообразное развитие отечественного народного образования.

Примечания

- ¹ Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 349 (Норов Авраам Сергеевич (1795–1869) – писатель и востоковед). Оп. 1. Д. 116. Л. 1.
- ² *Никитенко А. В.* Дневник : в 3 т. Т. 1 : 1826–1857 / подготовка текста и вступ. ст. И. Я. Айзенштока. М. : Гос. изд-во художественной литературы, 1955. С. 391–392.
- ³ *Соловьёв С. М.* Мои записки для детей моих, а если можно и для других // Соч. : в 18 кн. Кн. XVIII : Работы разных лет / отв. ред. И. Д. Ковальченко. М. : Мысль, 1995. С. 649.
- ⁴ *Ветринский Ч.* [Чешихин В. Е.]. Т. Н. Грановский и его время. Исторический очерк. 2-е изд. СПб. : Изд-во О. Н. Поповой, 1905. С. 355.
- ⁵ Там же. С. 356.
- ⁶ Т. Н. Грановский и его переписка : в 2 т. Т. II : Переписка Т. Н. Грановского. М. : Тов-во типографии А. И. Мамонтова, 1897. С. 437.
- ⁷ *Норов А. С.* Всеподданнейшее письмо // Русский архив. 1895. Кн. III, № 11. С. 368.
- ⁸ См.: *Лёвин С. В., Левина О. С.* А. С. Норов : образ государственного и общественного деятеля дореформенной России. Саратов : Техно-Декор, 2018. С. 143.
- ⁹ *Соловьёв С. М.* Указ. соч. С. 642–643.
- ¹⁰ Там же. С. 643.
- ¹¹ *Устрялов Ф. Н.* Воспоминания о Санкт-Петербургском университете в 1852–1856 годах // Исторический вестник. 1884. Т. XVI. Июнь. С. 588.
- ¹² Там же.
- ¹³ *Устрялов Н. Г.* Воспоминания о моей жизни // Древняя и Новая история. 1880. № 8. С. 671.
- ¹⁴ *Устрялов Ф. Н.* Указ. соч. С. 582.
- ¹⁵ Государственный архив Саратовской области. Ф. 408 (Калачов Николай Васильевич (1819–1885) – ученый, историк и археограф). Оп. 2. Д. 623. Л. 43 об.
- ¹⁶ Архив Российской Академии наук. Санкт-Петербургский филиал. Ф. 1. (Конференция Академии наук СССР). Оп. 2. 1851. Д. 10. Л. 32.
- ¹⁷ Российская национальная библиотека. Отдел рукописей (далее – РНБ ОР). Ф. 531 (Норов Авраам Сергеевич). Оп. 1. Д. 303. Л. 1.
- ¹⁸ *Устрялов Ф. Н.* Указ. соч. С. 588.
- ¹⁹ *Соловьёв С. М.* Указ. соч. С. 641.
- ²⁰ *Никитенко А. В.* Указ. соч. Т. 1. С. 431.
- ²¹ «Россия под надзором». Отчёты III отделения 1827–1869 : сб. документов / сост. М. В. Сидорова, Е. И. Щербакова. М. : Чеховский полиграфкомбинат, 2006. С. 454–455.
- ²² *Никитенко А. В.* Указ. соч. Т. 2 : 1858–1865. С. 15.
- ²³ См.: *Лёвин С. В., Левина О. С.* Указ. соч. С. 166.
- ²⁴ РНБ ОР. Ф. 531. Оп. 1. Д. 46. Л. 105–106.

Поступила в редакцию 28.09.2020, после рецензирования 06.10.2020, принята к публикации 05.11.2020
Received 28.09.2020, revised 06.10.2020, accepted 05.11.2020